

массы, несмотря на внешние его добродетели и те блестящие качества, которые способны были внушить к нему любовь в народе. Но и во всех этих его добродетелях и достоинствах было очень много эгоистического до самого конца его жизни.

В 1610 году Генрих IV стоял, бесспорно, во главе самого могущественного из государств Европы. 12 лет мира успокоили Францию; в ней было многочисленное воинственное и нетерпеливо ожидавшее новых подвигов дворянство. Отличная артиллерия, хорошо устроенные доходы, значительные запасы, и во главе стоял король, который, бесспорно, принадлежал к числу величайших людей той эпохи. Он решился вмешаться в дела Германии по поводу раздоров о наследстве княжеств Юлиха, Клеве и Берга. Затаенной его мыслью было унижение Австрийского дома за мир с Испанией. Фантастические планы о разделении Европы на несколько государственных систем едва ли могли зародиться в голове такой практической, как у Генриха, но они были ему представлены. Какие он имел тайные намерения, неизвестно, но он отправил уже войско и собирался отправиться сам, когда был убит Равальяком, безумным, полупомешанным фанатиком, на которого смотрели современники, как на орудие чьей-то другой, более дальновидной воли. Мы не вправе делать таких предположений, ибо во Франции те лица, на которые падало подозрение, не нашли достаточных улик. Во всяком случае, смерть Генриха была великим бедствием для Франции (14 мая 1610 г.).

Во главе ее осталась вдова короля Мария Медичис, итальянка, женщина раздражительного и слабого характера, не внушавшая доверия народу, напоминавшая своим происхождением Екатерину Медичис: и ей-то должно было стать во главе государства, едва умирного и содержавшего в себе элементы новых раздоров.

Спрашивается теперь: в чем состояла заслуга Генриха? Народ недаром сохраняет воспоминания о знаменитых лицах своей истории. Если он был точно храбрый и воинственный государь, это и осталось в памяти народа. Франция была, бесспорно, ему обязана прекращением смут и примирением боровшихся элементов, именно вследствие того, что он не принадлежал ни к какой партии: это-то примирение сделалось задачей его жизни. Но способы его действия и истинный характер уяснились только в наше время. Опасаясь возобновления смут, на подавление которых потрачена была вся его деятельность, он постепенно ослаблял все старинные французские учреждения, напоминавшие народу его прежнее государственное сознание; он перестал собирать государственные чины, старался ослабить муниципалитеты; все учреждения, в которых выражалась политическая жизнь народа до него, пришли прямо в упадок. Когда он умер, во Франции было только два элемента: с одной стороны, король, с другой — народ.

Но между ними не было никаких правильных отношений. Вековые учреждения потеряли при нем свою силу. [После] смерт[и] его